

— П Р О Е К Т —
«АВРОРА»

АННА ВЕЙСМАНН

18+

Анна Вейсманн

Проект "Аврора"

<https://litres.ru/74408828>

SelfPub; 2026

Аннотация

Обычная студенческая жизнь Авроры Хиггс — это зачеты, турниры по видеоиграм и ночные посиделки с подругами в общежитии. Но всё меняется с появлением нового профессора с кафедры вирусологии.

Он не читает лекций. Он наблюдает. Его лаборатория закрыта для студентов, а его взгляд пронизывает насквозь. Когда Аврора начинает замечать странное внимание профессора к себе, а в университете один за другим исчезают старосты курса, она понимает: профессор пришел не преподавать. Он пришел переписать человечество. И его первый эксперимент — это ее жизнь.

Содержание

Глава 1: Список погибших	4
ОТЧЕТ 1028-39	4
Глава 2: Ультиматум	26
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Анна Вейсманн

Проект "Аврора"

Глава 1: Список погибших

ОТЧЕТ 1028-39

Наименование объекта: Технологический Институт Миссури (Missouri Institute of Technology, MIT) Заказчик: Aegis Solutions. Контактное лицо: Теодор Генри Гринвелл, ректор, ведущий куратор проекта «Прометей».

Местоположение объекта: штат Миссури, Средний Запад США. Ближайший крупный населенный пункт Сент-Луис. Описание объекта и прилегающей местности: обширный закрытый кампус, окружённый густым лесом. Несколько километров до городской черты. Архитектура — смесь мрачной неоготики и холодного модернизма: старые корпуса из красного кирпича, не реконструированы по причине исторической ценности, кампус оснащен современными лабораторными блоками.

Система охраны и обслуживания: единственный КПП на въезде круглосуточно охраняется службой безопасности, по периметру установлена система видеонаблюдения, приняты

повышенные меры контроля за территорией из-за нескольких инцидентов с дикими животными в округе.

Статус объекта: функционирует.

Сейчас — ранняя осень. Сентябрьское солнце клонится к закату, окрашивая витражи старой аудитории в тёмно-алые тона. В главном учебном корпусе тихо. Большинство студентов уже разошлись после пар, и только в аудитории 309 ещё горит свет.

Жизнь кампуса теперь плавными потоками перетекает в общежития. В одном из женских, стоящих особняком у восточной стороны забора, и начинается эта история.

Аврора распахивает дверь в их общую с Аделиной комнату и с порога заявляет.

— Подруга, я до сессии не доживу, так и знай. Напиши на моем надгробии: «Ее сгубила домашка по вирусологии. Она пыталась».

С данным провокативным заявлением, блондинка бросает сумку на свою кровать, и сама падает лицом в подушку следом, как раненый боец, подбитый пулей в лоб.

Аделина, до этого сосредоточенно щёлкавшая мышкой за ноутбуком, резко разворачивается на стуле. Её голубые глаза вспыхивают азартом.

— О, драма! — Она хлопает в ладоши. — Можно я сде-

лаю из этого сюжет? «Студентка MIT пала жертвой домашки: профессор Фаулер отказался комментировать». Представляешь заголовки?

Она театрально прикладывает руку к сердцу и замогильным голосом зачитывает:

— «Она пыталась. Господь свидетель — она пыталась. Но штамм оказался сильнее».

В этот момент дверь в комнату без стука приоткрывается. Кира Танг заглядывает внутрь, опираясь плечом на косяк. Её острые, цепкие глаза подающего надежды криминалиста смотрят с привычной прямоотой, а на лице читается лёгкое веселье пополам с сарказмом.

— Я слышала слово «надгробие» и тут же пришла. — Она скрещивает руки на груди. — Хиггс, если серьёзно, что за домашка? Это для того блондинистого... профессора с манией величия, который смотрит на студентов как на лабораторных мышей?

Аврора обреченно вздыхает, доставая конспекты из сумки.

— Ага. Сегодня только понедельник, а он уже зверствует. Эссе на двадцать страниц о влиянии вектора штамма на структуру ДНК носителя... Это вообще законно? Мне придется всю ночь писать. А я хотела вообще-то взять реванш за тот матч в Mortal Kombat у Аделины...

Упомянутая Аделина издаёт торжествующий смешок и

откидывается на спинку стула.

— Реванш? Милая, ты о чём? После того как мой Саб-Зиро размазал тебя по льду в трёх раундах подряд, тут даже реанимация не поможет. — Она подмигивает и добавляет уже мягче: — Но, если хочешь поплакать в подушку после очередного поражения — я не против. Джойстик заряжен.

Кира закатывает глаза и проходит в комнату, садясь на край кровати Аделины.

— Двадцать страниц по вектору штамма... Фаулер, значит. Слышала, его лекции — это что-то среднее между докладом и проповедью. — Она наклоняет голову, внимательно глядя на Аврору. — Он хоть раз к тебе нормально обращался? Или тоже смотрит как на пустое место?

Блондинка издала что-то среднее между экзистенциальным вздохом и саркастическим смешком.

— Ты же знаешь, непонятно как он смотрит. Он же постоянно в этих своих черных очках... Серьезно, он видит в них вообще что-нибудь? Сегодня пасмурный день, в аудитории было темно — и он все равно их не снял. Это... странно. Я уже молчу о том, что на его лекциях тишина стоит... Гробовая. Никто даже телефоны не достает — себе дороже.

Аврора разложила конспекты на кровати и открыла ноутбук, бросив печальный взгляд на соседок. На ее лице читалось обреченное принятие.

— Ада, возьми вон Киру своим Саб-Зиро потретируй.

Или Еву — она неплохо играет на Джейд. Я сегодня в плену домашки.

Аделина театрально схватила за сердце, слишком бодро для изображающей insult прыгнув с кровати.

— Всё, подруга уходит в науку. С концами. — Она повернулась к Кире. — Слышала? Разрешение пытаться тебя получено. Готовься к крио-смерти.

Кира хмыкнула, поднимаясь с кровати.

— Справедливости ради — у меня чёрный пояс не только по боевым искусствам. Твой Саб-Зиро наплачется. — Она направилась к двери, но на пороге обернулась к Авроре. — Хиггс, если что — у меня есть энергетика и беруши для круглосуточной зубрёжки. Заглядывай.

Бросив напоследок сочувственный взгляд, Кира вышла в коридор. Из гостиной доносится шум — там, судя по звукам, Ева с Сереной что-то смотрят по телику. Аделина с громким хрустом размяла пальцы, как пианист перед концертом.

— Ладно, играем без тебя сегодня. Но с тебя реванш в выходные. — Она кивнула на ноутбук Авроры. — Что там по эссе? Уже есть с чего начать или ты обречённо пялишься в пустой ворд-документ?

— Второе. И уже слышу этот надменный тон «мисс Хиггс, очень жаль, что вы не преследуете достижения академических целей в этом семестре. Эта тема достойна дилетанта».

Аврора вздохнула, издав звук, способный конкурировать по степени отчаяния с криком умирающего лебедя, и когда подруги скрылись за дверью — она начала работать. Побороть боязнь чистого листа оказалось не так трудно, и она принялась печатать введение.

Работа, на удивление, шла нудно, но с прогрессом. Через пару часов она собрала достаточно материалов из открытых источников и своих конспектов с лекций, чтобы оформить черновик. Осталось внести правки, систематизировать схемы в третьей главе и указать источники. Внизу слышались восторженные и разочарованные возгласы участников соревнований по Мортал Комбату, и Хиггс откровенно завидовала всем тем, кому завтра не придется встречаться с Фаулером.

Она думала об этом странном преподавателе. О том, какие секреты он прячет за темными очками. Может, он недавно сделал лазерную коррекцию зрения? Но старшекурсники говорили, что и два года назад (когда он занял эту должность) он уже был в них. Ходили слухи, что он преподавал раньше в институте Пирроу, но информации о его предыдущих местах работы официально нигде не было, даже на портале MIT. И этот непонятный, почти сверхъестественный холод, когда мужчина проходил между рядами в аудитории...

— Может он вампир?... — вслух сказала Аврора и расмеялась. — Боже, Аврора, ты изучаешь влияние вирусов на организмы, какой еще вампиризм... Хотя, тот же вирус, если подумать.

Пальцы Авроры замерли над клавиатурой. Собственный смех показался ей чужим в тишине комнаты. Ветер за окном качнул ветку старого вяза, и тени на стене дрогнули.

Она уже собиралась вернуться к третьей главе, когда взгляд упал на одну из страниц конспекта. Лекция двухнедельной давности. Тема: «Мутагенные свойства гипотетических ретровирусов». Фаулер тогда остановился у её стола, мельком глянул на записи и произнёс странную фразу:

«У всего есть вектор, мисс Хиггс. Даже у человеческой слабости».

Тогда она списала это на его привычку говорить загадками. Но сейчас, в тишине ночи, эти слова зазвучали иначе.

Внезапный стук в дверь заставил её вздрогнуть.

— Эй, Хиггс! — Голос Киры прозвучал приглушённо через деревянную дверь. — Мы тут заказываем пиццу. Будешь что-то? Ты там не уснула лицом в клавиатуре?

Следом из гостиной донёсся голос Евы, мрачный и монотонный:

— Перед смертью стоит поесть. Рекомендую пепперони — с неё хоть изжога приятная.

— Да, на меня тоже берите! ... Я почти все. — отозвалась

Аврора, все еще мрачно посматривая на конспект и прокручивая в голове эту его фразу, сказанную таким ледяным тоном, что вдоль позвоночника сам по себе поднимался липкий ужас.

Она посмотрела на свое почти готовое эссе. В голове крутились навязчивые мысли.

— Да ну нет, это бред... Ретровирус, который меняет ДНК носителя... Научная фантастика. Хотя то, что произошло в Пирроу...

Аврора закусила губу и совершенно отвлеклась от эссе. Пальцы сами набрали запрос — «катастрофа Пирроу». В стеклах ее очков замелькали изображения с монитора: перевернутые автомобили, пожары, разбитые витрины. Она читала официальные сводки событий семилетней давности — власти списывали все на аварию на производстве лекарств. Очевидно до тривиальности, что это всего лишь удобная ложь. Ей попались списки погибших в Пирроу, и Хиггс сама не зная зачем принялась монотонно их изучать.

Экран мерцал. Строки имён — сотни, тысячи — бежали перед глазами Авроры. Жители, полицейские, сотрудники корпорации Aegis Solutions, члены отряда H.A.R.P...

Она проматывала список почти машинально, пока палец не замер над сенсорной панелью. По какому-то наитию, Аврора нажала сочетание клавиш, позволяющее искать информацию на странице, и ввела всего лишь несколько букв

из злополучной фамилии, не дающей ей покоя. В разделе «Н.А.Р.Р — отделение Альфа. Признаны погибшими при исполнении» значилось имя, от которого у неё перехватило дыхание:

Фаулер, Виктор.

Капитан отряда. Возраст на момент гибели: 38 лет.

Аврора моргнула. Перечитала. Ещё раз.

С экрана на неё смотрела та же фамилия, то же имя. Тот же возрастной диапазон — семь лет назад ему было тридцать восемь, сейчас около сорока пяти. Это не могло быть простым совпадением.

В гостиной внизу хлопнула входная дверь — кажется, привезли пищу. Ева что-то мрачно прокомментировала, Кира рассмеялась. Аделина закричала: «Хиггс, иди сюда, пока всё не съели!»

Ветер снова качнул ветку за окном. Тени на стене дрогнули, словно кто-то невидимый стоял прямо за спиной.

По коже Авроры пробежал знакомый с аудитории холодок. Фотографий членов отряда не было, но она на всякий случай сделала скриншот списка вместе с другими фамилиями (вдруг они к чему-то приведут позже), и захлопнула крышку ноутбука. Логическая цепочка, выстроившаяся в голове, была совершенно безумной.

— Если он пережил инцидент, но числится мертвым... То он кто? Выживший? Мутант? Разумный мертвец?...

Слухи об инциденте в Пирроу ходили разные, но доказательств не было ни у кого. Власти, разумеется, все скрывали, но до сих пор в интернете на самых темных форумах находились «очевидцы», рассказывающие о восстании зомби, утечке вируса и о чудовищах, похоронивших город под слоем крови и пепла. С каждым годом эти байки обрастали все более ужасающими подробностями, и отличить правду от вымысла было практически невозможно. Правдивых ответов на счет собственных предположений о профессоре у Авроры не было — слишком мало информации, кроме крупиц того, что ей удалось понять о вирусах с лекций Фаулера и собственных догадок. Возможно, стоило посоветоваться с подругами. Возможно, она все себе напридумывала и он просто странный профессор, а в Пирроу погиб его... однофамилец?

Из раздумий Аврору вывел очередной оклик снизу и запах пищи. Девушка вздохнула, решив оставить пока эти мысли, и переоделась в домашние штаны, а после спустилась к девчонкам. Матч по Мортал Комбат был в самом разгаре.

Гостиная встретила Аврору теплом, светом торшера и хаосом. На журнальном столике, отодвинутом к дивану, гро-

моздились три раскрытые коробки с пищей, банки с газировкой и энергетиками, а также забытый скетчбук Серены, на котором прямо поверх наброска какого-то растения теперь красовалось жирное пятно от пепперони.

Ева полулежала в кресле с куском пиццы в одной руке и джойстиком в другой. Её Джейд на экране добивала Саб-Зиро Аделины.

— Прими свою смерть с достоинством, — монотонно произнесла Ева, даже не моргнув. — Как все мы когда-нибудь примем.

— ДА КАК ТЫ ЭТО ДЕЛАЕШЬ?! — Аделина вскочила с дивана, едва не опрокинув банку с колой. Увидев Аврору, она тут же ткнула в неё пальцем. — Хиггс! Скажи ей! Она меня уже третий раунд подряд уничтожает. Это нечестно. У неё какой-то читерский скин на Джейд.

— Или ты просто предсказуема, — хмыкнула Кира, сидя на подлокотнике дивана с банкой энергетика. Она кивнула Авроре на свободное место рядом с Сереной, которая уже протягивала блондинке тарелку с двумя кусками пиццы — один с сырной корочкой, другой с пепперони.

— Мы тебе оставили. Ева хотела съесть твою долю со словами «ей уже всё равно не понадобится еда после завтрашней пары», но я отбила, — сообщила Серена с мягкой улыбкой и тут же тихо хихикнула, бросив взгляд на Еву.

Ева, не отрываясь от экрана, где начался новый раунд, пожала плечами:

— Я просто реалистка. Завтра вторник. У неё Фаулер. Я бы на её месте уже писала завещание.

— Спасибо, Ева, за моральную поддержку. Ты прекрасный друг. — притворным ворчанием Аврора плюхнулась на диван между Сереной и Кирой, а тарелку с пищей она забрала себе на колени.

— Завещание, возможно, пригодится — он буквально высасывает душу и радость, как дементор какой-нибудь... Кстати, вы не в курсе, где он раньше преподавал? Ну, до MIT?..

Будто между делом бросила Аврора, меланхолично жуя кусок пепперони. Внутри у нее, однако, все сжалось.

Кира отпила энергетик и задумчиво уставилась в потолок.

— Понятия не имею. Он появился здесь в прошлом году, и как-то сразу... вписался. Будто всегда тут был. Странный тип, но факультет вирусологии его обожает. Или боится. Трудно сказать.

— Я слышала, что он из Европы, — подала голос Серена, откладывая карандаш. — Не то Германия, не то Австрия. Но это слухи. А ещё говорили, что у него есть какое-то отношение к фармацевтическим исследованиям. Ну, типа, до преподавания он работал в частном секторе.

Аделина наконец отложила джойстик — Ева всё равно победила её с разгромным счётом — и присоединилась к разговору.

— Я пыталась сделать о нём сюжет в прошлом семест-

ре. Для кампусного канала. Интервью попросила, а он посмотрел на меня как на букашку и сказал: «Мисс, моё время слишком ценно для студенческих видеоблогов». — Она фыркнула. — Прикинь? И даже не улыбнулся. Просто развернулся и ушёл. Никаких соцсетей, никаких фотографий, никакого прошлого. Как будто его не существовало до того, как он сюда пришёл.

Ева отложила джойстик и потянулась за новой банкой. Её тёмные глаза блеснули в полумраке гостиной.

— Идеальный кандидат на роль маньяка, — прокомментировала она скучающим тоном. — Или правительственного агента под прикрытием. Или вампира, учитывая эти его очки. Кстати, Хиггс, ты чего спрашиваешь? У тебя вид, будто ты призрака увидела.

Пять пар глаз обратились на Аврору.

— Да просто... — неуверенно начала она, но заметив этот пристальный интерес продолжила мысль. — Жуткий он. Вы не были на его лекциях — он действительно прекрасно знает предмет и говорит о вирусах не как о чем-то плохом, с чем нужно бороться, а как... Об инструменте. Который нужно подчинить, или... приручить? Не знаю, как описать это ощущение, но мужик реально повернут на теме. Он мне как-то фразу бросил: «У всего есть вектор, мисс Хиггс. Даже у человеческой слабости» — что бы это не значило. То ли он

так деловито меня унизил и мои способности, то ли говорил о чем-то более глобальном... А его темы? Мы изучаем вирусологию с теориями на грани фантастики — то, о чем он рассказывает, еще ни один кандидат наук не доказал. Этого нет в учебниках. Будто он... знает что-то.

Выждав драматичную паузу в наступившей тишине, Аврора решила добить всех своим открытием.

— И я нашла кого-то с его именем в списках погибших в Пирроу. В том самом.

В гостиной повисла абсолютная тишина. Даже Ева перестала жевать.

— Погоди, — Кира подалась вперед, её синие глаза хищно сузились. — Ты сейчас серьезно? Пирроу? Тот самый Пирроу, который снесли с лица земли семь лет назад, а правительство до сих пор врёт, что это была «утечка химикатов»?

— Это же закрытая информация, — прошептала Серена, прижимая ладони к щекам. — Откуда у тебя списки погибших?

Аделина, обычно шумная и саркастичная, сейчас сидела неестественно тихо. Потом медленно произнесла:

— Подожди. Ты хочешь сказать, что наш профессор вирусологии носит имя человека, который официально мёртв уже семь лет? И который погиб в эпицентре самой загадочной катастрофы столетия, связанной — совпадение? — с вирусной вспышкой? — Она перевела дыхание и уставилась на Аврору. — Хиггс, ты понимаешь, как это звучит?

Ева откинулась в кресле. Её лицо оставалось бесстрастным, но голос прозвучал тише обычного:

— Я же говорила. Идеальный кандидат на роль маньяка.

Кира уже достала телефон и что-то быстро печатала. Селена нервно теребила край своего скетчбука.

— Аврора, — Кира подняла взгляд, — тебе не кажется, что это уже не просто «жуткий препод», а что-то другое? Ты ему завтра эссе сдавать идёшь. Лично в руки. В его кабинет. Одна.

— Я о том вам и говорю. Слишком много... совпадений. И он не просто погибший — он указан как капитан спецотряда Н.А.Р.Р. Я не слишком поняла их назначение, в открытых источниках информации почти нет, но они указаны как «группа реагирования на нестандартные угрозы». Это элитное подразделение, в нем наверняка числились только профессионалы, умеющие сдерживать, подавлять и убивать. Что, кстати, объясняет его физическую форму и привычку двигаться... ну не как ученый или профессор, скажем.

Аврора мрачно отложила кусок недоеденной пищи обратно на тарелку. Аппетит как-то пропал.

— И еще... Он в последнее время постоянно спрашивает меня. Только меня. Будто на курсе из пятидесяти человек я учусь одна. Валит персональной домашкой. Это началось неделю назад, я сама не понимаю, почему. Так что знайте — если в ближайшее время со мной что-нибудь случится, то....

— Так, стоп! — Кира хлопнула ладонью по столу так, что банки с газировкой подпрыгнули. — Никаких «если со мной что-нибудь случится». Мы не в дешёвом хорроре, где героиня идёт в подвал одна и без фонарика.

Она встала и начала расхаживать по гостиной, по-военному заложив руки за спину — привычка, которая появлялась у неё всегда, когда она начинала всерьёз анализировать ситуацию.

— Давайте разложим факты. Первое: наш профессор носит имя погибшего капитана Н.А.Р.Р. Второе: он постоянно в солнцезащитных очках, даже в темноте. Третье: он одержим вирусами и говорит о них как об инструменте эволюции. Четвёртое: он выделил тебя, Аврора, из всего курса и давит сильнее, чем на остальных. — Кира загнула четыре пальца и замолчала.

— Это называется «груминг», — тихо сказала Ева из своего кресла. Все обернулись к ней. Она пожала плечами. — Что? Я читаю криминальные сводки на ночь. Это когда хищник выделяет жертву из толпы и начинает её... подготавливать.

Серена тихо ахнула. Аделина, побледнев, схватила Аврору за руку.

— Подруга, тебе нельзя завтра идти одной. Вообще нельзя. Давай я схожу с тобой? Или Кира? Скажем, что мы ассистируем, или... или что угодно.

— У меня завтра как раз окно после обеда, — тут же отозвалась Кира, скрестив руки. — И я серьёзно. Никаких возражений. Мы тебя одну к нему не отпустим. Ты сама сказала — мужик повёрнут на теме. А теперь выясняется, что он, возможно, ещё и ходячий мертвец из Пирроу.

— Или... — Аврора добавила тихо, — У него иммунитет к тому вирусу, о котором ходят слухи. Или он мутировал. Или... я не знаю.

Обреченно выдохнув, она прикрыла лицо руками, а после взглянула на подруг сквозь пальцы.

— И как вы собираетесь объяснять свое присутствие на лекции по вирусологии? Это не открытое занятие. Журналистика и криминалистика вообще никак с нашим курсом не пересекаются.

Аделина открыла было рот, но тут же закрыла. Кира нахмурилась, подбирая аргументы. Серена беспомощно переводила взгляд с одной подруги на другую.

И тут заговорила Ева. Тихо, монотонно, но с такой уверенностью, что все замолчали.

— Это кампус MIT, а не частный бункер. Формально на лекции имеют право присутствовать любые студенты института, если преподаватель не возражает. Учебный устав, раздел четыре, пункт двенадцать.

Все уставились на неё. Ева меланхолично сделала глоток энергетика.

— Что? Я скучающая программистка с бессонницей

и нездоровым интересом к бюрократическим документам. Устав я прочитала от корки до корки на втором семестре в прошлом году. У каждого свои хобби.

Кира медленно кивнула, и в её глазах зажёгся недобрый огонёк.

— Значит, мы имеем право быть там. А если он начнёт выгонять — это будет выглядеть подозрительно. Профессор не должен возражать против присутствия заинтересованных студентов на открытой лекции. — Она усмехнулась. — Особенно если один из этих студентов — специалист по профайлингу.

— О, я тоже иду, — Аделина решительно подняла руку. — У меня канал. Скажу, что готовлю расширенный репортаж о факультете вирусологии. «Погружение в науку» или что-то такое. Если он начнёт выпендриваться — это будет отличный материал о том, как профессура МІТ «препятствует студенческой журналистике».

— А я... — Серена замялась, теребя край рукава, но потом всё же расправила плечи. — Я могу сказать, что изучаю междисциплинарные связи. Вирусы и ботаника. Фитопатогены, передающиеся через споры растений. Это не совсем ложь, вообще-то такая тема существует...

— Ну вот, — Кира обвела всех взглядом. — Четыре человека. Плюс ты. Это не армия, но уже свита. Он не посмеет ничего сделать при свидетелях.

Ева издала короткий смешок, больше похожий на всхлип.

— Или мы все впятером попадём в его «список особо любопытных студентов, подлежащих устранению или экспериментам». В любом случае — звучит весело.

Аделина хлопнула в ладоши.

— Значит, план такой. Завтра мы вчетвером сидим на лекции как приличные вольнослушатели. Потом Аврора идёт сдавать эссе — и минимум одна из нас идёт с ней в кабинет. Остальные ждут в коридоре. Если через пятнадцать минут она не выходит — мы устраиваем пожарную тревогу. Или что похуже.

— У меня есть свисток, — серьёзно добавила Серена. — На случай... ну, опасных ситуаций.

Кира одобрительно кивнула и повернулась к Авроре.

— Что скажешь, Хиггс? Ты у нас главная пострадавшая, тебе решать. Принимаешь группу поддержки?

— Да, конечно. — выдохнула она, чувствуя, как внутри что-то отпускает. — Я только «за». Если честно, одной мне действительно было бы жутковато.

— Вот и славно! — Аделина подскочила с дивана и схватила со стола остывший кусок пиццы как микрофон. — Операция «Анти-Фаулер» объявляется открытой! У нас есть цель, у нас есть план, у нас есть... э-э-э...

— Свисток, — подсказала Серена, доставая из кармана домашних штанов маленький серебристый свисток на цепочке. — Я же серьёзно. Он был у меня с первого курса. На всякий случай.

Кира одобрительно хмыкнула, а Ева молча подняла вверх большой палец.

— Ладно, — Кира допила энергетик и поставила банку на стол. — Тогда давайте по-серьёзному. Когда у вас завтра пара?

— Вторая смена. Начало в час, — ответила Аврора, све-ряясь с расписанием в телефоне. — Сначала семинар в ауди-тории 309, а потом он обычно оставляет время на индивиду-альные консультации. Как раз тогда, наверное, и нужно бу-дет сдать эссе.

— Отлично. В час мы все свободны? — Кира обвела гла-зами комнату, и девушки одна за другой кивнули. — Тогда встречаемся в час у входа в корпус Джеффсона. Не опазды-вайте. И оденьтесь... обычно. Как студенты. Мы не должны привлекать внимание.

— Я приду с камерой, — Аделина уже листала что-то в те-лефоне. — Маленькая, незаметная. На случай, если он ска-жет что-то... интересное.

Серена спрятала свисток обратно в карман и тихо спро-сила:

— Аврора, а ты точно в порядке? Ну, после всего, что узнала? Это ведь не шутка — узнать такое о человеке, с ко-торым встречаешься каждую неделю.

Ева перевела взгляд на блондинку и добавила с несвой-ственной ей мягкостью:

— Если хочешь, можем сегодня устроить марафон филь-

мов ужасов. Для снятия стресса. Ничто не успокаивает лучше, чем наблюдать, как кто-то другой делает глупые ошибки в смертельно опасной ситуации.

— Знаете... — Аврора слабо улыбнулась, чувствуя, как напряжение последних часов понемногу отступает. — Фильмы ужасов звучат как отличная идея. По крайней мере, там монстры хотя бы честно показывают свои клыки.

— Вот это настрой! — Аделина хлопнула её по плечу. — Кто за классику? «Нечто»? «Чужой»? Или что-нибудь из зомби-тематики, раз уж у нас завтра день вирусологии?

— Только не «Зловещие мертвецы», — фыркнула Кира. — Хватит с нас и реальной истории с Пирроу и «Эгидой».

— «28 дней спустя», — предложила Ева, потягиваясь в кресле. — Там вирус, мутации, и отличный саундтрек. И главное — все бегает. Никаких медленных зомби, которые вечно догоняют только неудачников.

Серена уже включила ноутбук и загружала стриминговый сервис.

— Я за «28 дней спустя». Поставлю чайник. Кому что? У нас есть зелёный чай, мятный и... кажется, ромашковый. Для тех, кто хочет притвориться, что мы сейчас успокоимся и уснём как нормальные люди.

— Кофе, — хором ответили Кира и Ева.

— Энергетик, — поправила Аделина, роясь в мини-холодильнике. — Кто-то должен бодрствовать и следить, чтобы Хиггс не начала гуглить новые списки погибших посреди

фильма.

Аврора рассмеялась — впервые за вечер по-настоящему. Она устроилась на диване между Кирой и Сереной, укуталась в плед, который кто-то заботливо накинул ей на плечи, и позволила себе просто быть здесь, в кругу подруг, а не в холодной аудитории под взглядом человека, который, может, и не был монстром из фильма ужасов, однако первобытный страх умел вселять не хуже выдуманных зомби.

На экране побежали вступительные титры. За окном ветер раскачивал ветви старого вяза. Где-то вдалеке, на холме, возвышался тёмный силуэт корпуса имени Илая Джеффсона.

Завтрашний день обещал быть интересным.

Глава 2: Ультиматум

Ночь прошла спокойно. Фильмы закончились далеко за полночь, и девушки разошлись по комнатам только после того, как Ева зевнула в пятый раз подряд и заявила, что «даже апокалипсис не стоит её восьми часов сна». Аврора уснула почти сразу — казалось нервное напряжение, — но сон был неглубоким, тревожным, полным смутных образов: красные глаза в темноте, длинные коридоры под землёй, звук капающей воды и чей-то голос, повторяющий одну и ту же фразу: «У всего есть вектор, мисс Хиггс...».

Утро выдалось серым и пасмурным. Сентябрьское небо затянули тяжёлые облака, обещавшие дождь. Аврора проснулась раньше будильника, полежала несколько минут, глядя в потолок и собираясь с мыслями, а затем заставила себя встать. В ванной она долго стояла под горячей водой, пытаясь смыть липкое ощущение тревоги. Затем — привычный утренний ритуал: уложить длинные волосы в аккуратные волны, легкий макияж, подобрать наряд — высокие гольфы, юбка, твидовый пиджак и туфли на небольшом каблучке. Эссе, распечатанное на принтере в гостиную вчера вечером, лежало в папке. Двадцать страниц. Она их написала. Кажется, неплохо. Теперь осталось только вручить их человеку, который, возможно, официально мёртв. Когда Аврора спустилась в гостиную, Кира уже была там. Она стояла у окна

с кружкой кофе, одетая в свою обычную практичную одежду — тёмные джинсы, футболка, лёгкая куртка. Увидев Аврору, она кивнула.

— Готова?

— Насколько это вообще возможно.

Из кухни выглянула Серена с тостом в руке.

— Я собрала нам всем перекус. На случай, если... ну, если придётся долго сидеть в засаде. Или если лекция затянется.

— Засада, — повторила Ева, спускаясь по лестнице с книгой под мышкой. — Мне нравится, как это звучит. Мы теперь официально отряд спецназа. Отряд «Любопытные студентки». Девиз: «Мы просто хотели сдать эссе».

Аделина появилась последней, с маленькой камерой в руках и рюкзаком за плечами. Её глаза горели тем самым опасным журналистским огоньком, который обычно предвещал сенсацию — или неприятности.

— Всё, я готова. Батарея заряжена, память очищена. Если этот тип сегодня скажет что-то интересное — оно останется в записи.

Кира поставила кружку на стол и обвела всех взглядом.

— Помните: мы просто студентки, которые интересуются вирусологией. Никакой конфронтации. Никаких прямых вопросов. Мы наблюдаем, слушаем и поддерживаем Аврору. Если что-то пойдёт не так — уходим все вместе. Никто никого не оставляет. Всё ясно?

Четыре кивка.

— Тогда выдвигаемся.

Сентябрьский ветер встретил их за порогом общежития — влажный, порывистый, пахнувший прелыми листьями и приближающимся дождём. Пять фигур двинулись по мощёной дорожке через кампус в сторону холма, где возвышался корпус имени Джеффсона.

Кампус в этот час был полупустым. Редкие студенты пробегали мимо, пряча лица в воротники от ветра. Где-то вдалеке гудел газонокосильщик. Обычный университетский день. Почти.

— Кстати, — нарушила молчание Аделина, на ходу проверяя настройки камеры, — я тут ночью, пока все спали, покопалась в архивах. Точнее, в том, что от них осталось после Пирроу. Знаете, что странно? В официальных документах нет ни одной фотографии капитана Фаулера. Вообще. Как будто кто-то подчистил все снимки.

— Или он сам, — отозвалась Ева, не отрываясь от книги, которую умудрялась читать на ходу. — Если он действительно тот, о ком мы думаем, то семь лет — достаточный срок, чтобы замести следы.

Корпус Джеффсона вырастал перед ними из утреннего тумана. Красный кирпич, увитый плющом, высокие стрельчатые окна, массивные дубовые двери. Архитектура, которая в солнечный день выглядела величественно, сейчас казалась мрачной и давящей. Аврора поёжилась. Она проходила через эти двери десятки раз, но сегодня они напоминали вход

в склеп.

Внутри пахло старым деревом, химическими реагентами и чем-то ещё — едва уловимым, стерильным, как в больнице. Их шаги гулким эхом разносились по пустому вестибюлю. Главная лестница уходила вверх, к аудиториям. Где-то на третьем этаже находилась аудитория 309.

— У нас ещё пятнадцать минут, — сверилась с часами Кира. — Предлагаю зайти и занять места до того, как он появится. Не хочу, чтобы он видел, как мы всей толпой вваливаемся.

— Согласна, — кивнула Серена, нервно поправляя лямку рюкзака. — Меньше внимания — лучше.

Девушки поднялись на третий этаж. Коридор был пуст, лишь в дальнем конце мерцала лампа дневного света. Дверь в аудиторию 309 была приоткрыта. Внутри уже сидело несколько студентов — обычная группа Авроры. Они с удивлением уставились на процессию из четырёх незнакомок, вошедших следом за Хиггс.

— Э-э-э... — подала голос одна из студенток, рыжеволосая девушка по имени Марта, с которой Аврора иногда обменивалась конспектами. — Хиггс, ты привела группу поддержки?

— Вольнослушатели, — коротко ответила Кира, усаживаясь в последнем ряду с таким видом, будто имела полное право здесь находиться. Аделина, Серена и Ева расселись рядом.

Аврора заняла своё обычное место — третий ряд, ближе к окну. Положила папку с эссе на парту и попыталась унять дрожь в пальцах.

В аудитории постепенно собирались остальные студенты. Гул голосов, шорох тетрадей, скрип стульев. Всё как обычно. Кроме четырёх пар глаз в последнем ряду и ледяного комка в животе.

Ровно в час дня дверь аудитории распахнулась.

В аудиторию вошёл Виктор Фаулер.

Он двигался по-другому, не как остальные преподаватели — без лишних движений, хищно и плавно, как зверь, привыкший контролировать пространство вокруг себя. Чёрный костюм сидел на нём безупречно. Светлые, почти платиновые волосы были зачёсаны назад. И, разумеется, на лице красовались неизменные солнцезащитные очки, полностью скрывающие глаза. В пасмурном свете аудитории они казались двумя чёрными провалами.

Он не поприветствовал аудиторию. Вместо этого Фаулер молча остановился у кафедры, положил на неё тонкую кожаную папку и медленно обвёл помещение взглядом. Его голова чуть повернулась, когда он заметил четырёх незнакомых студенток в последнем ряду. Пауза. Долгая. На грани приличия.

— Вижу, сегодня у нас расширенная аудитория, — произнёс он наконец. Голос — низкий, бархатный, с едва уловимой насмешкой. Ни намёка на удивление.

— Мисс Хиггс, — его лицо обратилось к Авроре, и она физически ощутила этот взгляд, спрятанный за чёрными стёклами, — не соблаговолите ли представить ваших... спутниц? Или они предпочитают анонимность?

В последнем ряду Кира незаметно напряглась. Аделина, напротив, широко улыбнулась и уже открыла рот, чтобы ответить, но Фаулер поднял руку, останавливая её, даже не глядя в ту сторону.

— Я спросил мисс Хиггс.

В аудитории повисла тишина. Марта и остальные студенты замерли, переводя взгляды с профессора на Аврору и обратно.

Аврора почувствовала, как сердце пропустило удар. Холодок из ее ночных кошмаров вернулся, пробежав по позвоночнику и оседая где-то в кончиках пальцев. Он знал. По его тону, по этой ленивой, почти издевательской манере спрашивать было ясно — он знал, что девушки здесь не просто так.

Она заставила себя выпрямиться и встретить его невидимый взгляд. Паника сейчас — худший из возможных вариантов. Играть. Нужно просто играть свою роль.

— Конечно, профессор. — Ее голос прозвучал на удивление ровно, учитывая, что внутри у нее все дрожало. Она обернулась и указала на последний ряд: — Это Аделина, наш кампусный журналист. Она готовит расширенный репортаж о факультете вирусологии.

Аделина помахала рукой с самой невинной из своих улыбок.

— Кира и Серена, мои подруги с факультетов криминалистики и ботаники. Их заинтересовала междисциплинарная тема на стыке наших специальностей. А Ева...

— Просто мимо проходила, — монотонно закончила Ева, перелистывая страницу книги, даже не подняв головы. — И решила, что знание вирусологии не будет лишним перед лицом неминуемой гибели человечества.

Фаулер чуть склонил голову набок. Уголок его губ дрогнул — то ли в усмешке, то ли в чем-то более хищном.

— Отрадно видеть столь... разносторонний интерес к моему предмету. — Он медленно обошел кафедру и начал свой обычный проход между рядами. Студенты инстинктивно вжимались в стулья. — Обычно вольнослушатели посещают лекции по истории искусств или, скажем, введению в психологию. Вирусология — специфический выбор.

Он остановился аккуратно напротив стола Авроры. Его тень упала на столешницу, на папку с эссе. Длинные пальцы — холеные, с безупречным маникюром — легли на край парты.

— Что ж, — произнес он, и его голос понизился до почти интимного полупшепота, предназначенного, казалось, только для нее одной, — Надеюсь, ваш интерес, леди, продержится дольше одного занятия. Я не люблю, когда студенты покидают мой курс... не завершив его.

С этими словами он развернулся и направился обратно к

кафедре. Лекция началась.

Как и ожидалось, она была не похожа ни на одну другую в этом университете. Фаулер говорил о вирусах не как о патогенах, с которыми нужно бороться, а как об инструментах, оружии, о ключах к закрытым дверям человеческого генома. Его голос, низкий и размеренный, заполнял аудиторию, проникая под кожу.

— Вирус — это не враг, — произнёс он, останавливаясь у проекционного экрана, на котором отображалась трёхмерная модель аденовируса. — Вирус — это курьер. Он доставляет генетический материал в клетку. Вопрос лишь в том, какое послание он несёт. Смерть. Или эволюцию.

Он обвёл аудиторию взглядом, и Аврора готова была поклясться, что на долю секунды его скрытые очками глаза задержались именно на ней.

— Природа создала вирусы как механизм изменений. Мутации, которые они вызывают, — это не ошибки. Это эксперименты. Природа пробует разные варианты, разные векторы развития. Большинство организмов погибает. Но некоторые... адаптируются. Становятся чем-то большим, чем были прежде.

Аделина в последнем ряду тихо присвистнула. Кира, не отрываясь, следила за каждым движением профессора с выражением профессионального интереса на лице — она читала его язык тела, манеру речи, микровыражения. Серена торопливо записывала что-то в блокнот, хотя лекция явно вы-

ходила за пределы привычной ей ботаники. Ева... Ева отложила книгу и теперь смотрела на Фаулера с тем же выражением, с каким, вероятно, смотрела бы на редкий, но крайне опасный вид ядовитой змеи.

— Возьмём, к примеру, вирус Эбола, — продолжал Фаулер, и на экране сменилась схема. — Смертность до девяноста процентов. Инкубационный период — от двух дней до трёх недель. Но что, если представить штамм, который сокращает инкубационный период до нескольких часов? Который не убивает носителя, а... меняет его?

Он сделал паузу, и в аудитории повисла звенящая тишина. Никто не шевелился.

— Это, конечно, чисто гипотетический сценарий, — уголок его губ дрогнул в тени улыбки. — Но в рамках данного курса мы не боимся гипотез, не так ли, мисс Хиггс?

Аврора вздрогнула от неожиданности. Он снова обратился к ней. Персонально. При всех. Сидящая позади Марта сочувственно вздохнула.

— Да, профессор, — ответила Аврора, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Наука без гипотез — это лишь коллекционирование фактов.

Фаулер медленно кивнул. В этом жесте не было похвалы — скорее удовлетворение коллекционера, рассматривающего любопытный экземпляр.

— Именно. Что ж, на сегодня теоретической части достаточно. Перейдём к практической. — Он отошёл от экрана и

взял со стола стопку распечатанных заданий. — Сегодня мы займёмся моделированием вирусного патогенеза. Разбейтесь на пары. Мисс Хиггс...

Он сделал паузу, и Аврора замерла.

— Вы будете работать со мной. Мне нужно обсудить ваше эссе.

По аудитории пронёсся едва слышный шёпот. Студенты переглядывались — кто-то с сочувствием, кто-то с открытым облегчением, что выбор профессора пал не на них. Марта бросила на Аврору взгляд, который яснее слов говорил: «Подруга, ты влипла».

В последнем ряду Кира напряглась, как сжатая пружина. Аделина вскинула камеру, но наткнулась на предостерегающий жест Серены и опустила её. Ева, единственная из всех, сохраняла полную невозмутимость — только пальцы, сжимавшие корешок книги, побелели.

— Остальных, — продолжал Фаулер, раздавая задания с таким видом, будто только что не произнёс ничего особенного, — прошу приступить к работе. У вас сорок пять минут. Результаты моделирования оформите в виде краткого отчёта.

Он развернулся к Авроре и сделал приглашающий жест в сторону двери, ведущей в смежную лабораторию — небольшое помещение с рабочими столами, микроскопами и компьютерным оборудованием, которое использовалось для практических занятий.

— Прошу, мисс Хиггс. Ваше эссе, полагаю, у вас с собой?

Аврора поднялась на ноги. Двадцать пар глаз провожали её, пока она шла к двери лаборатории. В проёме она на мгновение обернулась и встретилась взглядом с Кирой. Та едва заметно кивнула — «Я слежу. Если что — мы здесь».

Дверь лаборатории закрылась за ними с мягким щелчком. Автоматический замок. Аврора оказалась в небольшом помещении, залитом холодным светом люминесцентных ламп. Столы с лабораторным оборудованием, стеклянные шкафы с реактивами, компьютерный терминал в углу. И Фаулер.

Он не торопился начинать разговор. Вместо этого он медленно обошёл лабораторию, проверяя что-то на одном из приборов, поправил стопку чистых пробирок на столе. Его спина была обращена к Авроре, и от этого молчания ей становилось только тревожнее.

— Двадцать страниц, — произнёс он наконец, не оборачиваясь. — Вы серьёзно отнеслись к заданию, мисс Хиггс. Похвально. Большинство ваших сокурсников ограничились бы четырнадцатью. Минимум усилий для минимального проходного балла.

Он повернулся. Свет ламп отражался в стёклах его очков, превращая их в два непроницаемых зеркала.

— Положите эссе на стол.

Аврора молча шагнула к столу и положила папку с эссе на холодную металлическую поверхность. Её пальцы на мгновение задержались на обложке, прежде чем отпустить. Два-

дцать страниц. Несколько часов напряженной работы в сжатых сроках. И сейчас всё это лежало между ней и человеком, который, возможно, вообще не был человеком.

Фаулер не притронулся к папке. Вместо этого он медленно обошёл стол, сокращая дистанцию. Его движения были плавными, почти ленивыми — так двигается хищник, уверенный, что жертве некуда бежать.

— Вы нервничаете, мисс Хиггс, — произнёс он. Это был не вопрос. — Ваш пульс участился. Зрачки расширены. Дыхание стало более поверхностным. Классические признаки реакции «бей или беги». — Он склонил голову набок, разглядывая её. — Любопытно. Мы всего лишь собираемся обсудить академическую работу. Отчего же такая реакция?

Аврора сглотнула. Воздух в лаборатории казался разреженным, стерильным, пропитанным запахом химикатов и чего-то ещё — слабого, почти неуловимого, похожего на озон после грозы.

— Вы... довольно требовательный преподаватель, профессор, — ответила она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Любой студент нервничает перед вашей оценкой.

Фаулер издал короткий смешок — сухой, лишённый тепла. Он взял папку, открыл её и пробежал глазами по первой странице.

— «Влияние вектора штамма на структуру ДНК носителя», — зачитал он. — Смелый выбор темы. Особенно для студентки второго курса. Большинство ваших коллег пред-

почли что-то более... безопасное. «История вирусологии». «Методы профилактики». Все, что я оставил вам в обширном перечне тем. А вы из всех выбрали тему мутаций. Почему?

Он поднял взгляд от страницы, и Аврора снова ощутила на себе тяжесть его невидимых глаз. Этот вопрос не был праздным любопытством. Он что-то проверял. Что-то искал.

Аврора выдержала паузу, собираясь с мыслями. В голове пронеслось сразу несколько вариантов ответа — от безопасного академического до глупого «потому что тема интересная». Но что-то в его позе, в этом ленивом, но цепком внимании подсказывало ей: он почует ложь за милю. Оставалось только одно — говорить правду. Или почти правду.

— Потому что меня интересует потенциал изменений, — произнесла она, встречая его скрытый взгляд. — Вирусы — это не просто болезнь. Вы сами сказали, профессор: это курьер, который доставляет послание. И если послание может быть разным... то почему бы одному из них не нести не смерть, а эволюцию? Это же и есть суть вашего курса — мы не просто учимся бороться с вирусами, мы учимся понимать их природу. И... тех, кто с ними работает.

Последняя фраза вырвалась почти случайно. Аврора тут же пожалела о ней, заметив, как дрогнул уголок его губ.

Фаулер медленно закрыл папку. Звук вышел негромким, но в тишине лаборатории он прозвучал как щелчок взводимого курка.

— «Тех, кто с ними работает», — повторил он, смакуя каждое слово. — Любопытная формулировка. Обычно студенты говорят «учёные» или «вирусологи». А вы говорите о ком-то... ином.

Он положил папку обратно на стол и сделал шаг ближе. Авроре пришлось приложить все усилия, чтобы не отступить.

— Знаете, мисс Хиггс, я наблюдаю за вами уже несколько недель. Вы задаёте вопросы, которые не задают другие студенты. Вы ищете информацию за пределами учебной программы. Вы читали о Пирроу — а это, поверьте, не та тема, которую выбирают для курсовой работы просто из любопытства.

Аврора замерла. Сердце пропустило удар.

— Ваши подруги, — он небрежно кивнул в сторону двери, за которой остались Кира, Аделина, Серена и Ева, — они ведь здесь не из-за журналистского интереса. И уж точно не из-за «междисциплинарного подхода». Они здесь, потому что вы что-то нашли. Что-то, что заставило вас бояться.

Он наклонился ближе. Его голос упал до шёпота, и в этом шёпоте было что-то почти интимное — и пугающее одновременно.

— Так что же вы нашли, Аврора? И главное — что вы собираетесь с этим делать?

Аврора почувствовала, как кровь отлила от лица. Он знал. Знал с самого начала. Вся эта игра в профессора и студентку

была именно игрой — и сейчас он давал понять, что фигуры на доске расставлены так, как нужно ему.

В висках застучало. В голове пронеслись варианты: отпираться, притвориться душой, сослаться на стресс и недосып. Но Фаулер стоял слишком близко, и этот озоновый запах, исходящий от него, казалось, проникал в лёгкие, лишая воли.

Она подняла на него глаза. В стёклах его очков отражалось её собственное лицо — бледное, испуганное. Но где-то глубоко внутри, под слоями страха, зашевелилась злость. На него. На себя. На эту дурацкую ситуацию, в которую она сама себя загнала.

— Я нашла списки погибших в Пирроу, — сказала она тихо, но твёрдо. — Там было ваше имя. Капитан Виктор Фаулер, отряд Н.А.Р.Р. отделение «Альфа». Признан погибшим при исполнении семь лет назад. Что я собираюсь с этим делать? — она горько усмехнулась. — Ничего. Я просто хотела знать, кому сдаю эссе. Живому человеку. Или... нет.

В лаборатории повисла тишина — густая, вязкая, как сироп. Фаулер не двигался. Его лицо оставалось бесстрастным, но что-то изменилось в воздухе вокруг него. Напряжение, исходившее от его фигуры, стало почти осязаемым.

Затем он медленно снял очки.

Аврора замерла. Это было последнее, чего она ожидала.

Без очков лицо Фаулера выглядело иначе — тоньше, острее, опаснее. Но не это заставило её дыхание сбиться. Его глаза — неестественные, горящие алым светом изнутри, с

вертикальными зрачками, как у рептилии, — смотрели прямо на неё. Они светились в полумраке лаборатории, словно два раскалённых угля.

— Вы хотели знать, кому сдаёте эссе, — произнёс он, и теперь его голос звучал глубже, с какой-то вибрирующей ноткой, которой Аврора не слышала раньше. — Смотрите.

Он позволил ей смотреть. Секунду. Две. Три. Достаточно, чтобы она успела разглядеть всё — и нечеловеческий цвет радужки, и то, как зрачок сужается и расширяется, фокусируясь на ней с хищной точностью.

Затем он снова надел очки. Но образ уже впечатался в память Авроры — она знала, что не забудет эти глаза до конца жизни.

— Семь лет назад я действительно был признан погибшим, — продолжил он, возвращаясь к своему обычному, лекторскому тону. — Официальные отчёты не лгут. Виктор Фаулер, капитан Н.А.Р.Р., мёртв. То, что стоит перед вами — нечто иное. Результат... эксперимента.

Он обошёл её, направляясь к компьютерному терминалу в углу лаборатории.

— Вирус, с которым я работал, должен был убить меня. Вместо этого он меня перестроил. Усовершенствовал. — Он нажал несколько клавиш, и на экране появилась трёхмерная модель какого-то сложного молекулярного соединения. — Сильнее, быстрее, выносливее. Регенерация. Ускоренные рефлексy. И глаза, разумеется — небольшая плата за эволю-

цию.

Он повернулся к Авроре. Его голос стал ниже, интимнее, но в нём появилась сталь.

— А теперь, мисс Хиггс, главный вопрос. Вы — талантливая студентка с блестящим потенциалом и, как выяснилось, с незаурядной тягой к расследованиям. Вы нашли то, что не предназначалось для посторонних глаз. Вопрос в том, что мне теперь с вами делать?

Аврора стояла, не в силах отвести взгляд от тёмных стёкол, за которыми теперь, как она знала, скрывались эти нечеловеческие глаза, которые будут снится ей до конца жизни в кошмарах, если она вообще после такого покинет эту лабораторию. Сердце колотилось где-то в горле, но странное дело — парализующий страх начал отступать, сменяясь чем-то другим. Осознанием. Он не убил её сразу. Он показал ей правду. Зачем? Если она расходный материал — зачем весь этот разговор?

— Вы спрашиваете, что со мной делать, — она облизала пересохшие губы. — Но, если бы вы хотели просто... избавиться от проблемы, мы бы не разговаривали. Вы бы не показывали мне свои глаза. И вы бы не рассказывали про эволюцию.

Она сделала паузу, собираясь с мыслями. Где-то в глубине сознания билась мысль: «Аврора, ты либо гений, либо идиотка — третьего не дано». Но она уже начала, и отступить было поздно. — В Пирроу погибли тысячи людей. Офици-

альная версия — авария на производстве. Неофициальная — утечка биологического оружия. Вы были там. Вы были частью этого. И вы... выжили. Стали чем-то большим. Вы сказали вирус «усовершенствовал». Не «изменил», не «искалечил». Вы действительно считаете себя улучшенной версией человека... Вы — эволюция.

Она шагнула вперёд — всего на полшага, но это потребовало от неё всей смелости, которая у неё была.

— Все эти эссе, дополнительные вопросы, вскользь брошенные формулировки на лекциях с вашими... претенциозными утверждениями насчет роли вирусов... Вы проверяли меня.

Аврора вдруг запнулась и закусил губу, о чем-то догадавшись. Она судорожно выдохнула.

— Тот список... Те материалы, которых нет в учебниках, и которые я использовала для своей домашки. Они должны были быть засекречены, на них не должны были наткнуться студенты... Это вы. Вы дали к ним доступ, зная, что я буду искать.

Фаулер молчал. Целую вечность — секунд десять, не меньше, — он просто стоял и смотрел на неё. А потом его губы медленно растянулись в улыбке. Не в той холодной, саркастичной усмешке, которую он адресовал аудитории. Нет, в этой улыбке читалось что-то новое. Удовлетворение? Нет, больше — одобрение. Сродни тому, как учёный одобряет неожиданно успешный результат эксперимента.

— Браво, мисс Хиггс. — Он склонил голову в лёгком поклоне. — Вы превзошли мои ожидания. Да. Конечно, я дал вам доступ. Разумеется, это был я. Вы думаете, что случайно наткнулись на эти материалы, потому что вам «повезло» с поисковым запросом? Или потому, что вы особенная? Нет. Я просто открыл вам дверь. И вы в неё вошли. Без колебаний. Без оглядки.

Он обогнул стол и теперь стоял совсем близко. Авроре казалось, что она чувствует исходящий от него жар, хотя это могло быть игрой воображения — или ознобом, попеременно охватывавшим её саму.

— Вы правы в своей догадке: если бы я хотел, чтобы вы замолчали навсегда, мы бы не разговаривали. Но вы мне интересны, Аврора. Не как студентка. Не как очередной объект для наблюдения. Вы задаёте вопросы, которые не должны задавать. Вы мыслите так, как не должна мыслить обычная второкурсница. Вы находите ответы быстрее, чем я ожидал.

Он сделал паузу, позволяя своим словам осесть в тишине.

— Вы сказали, что я проверял вас. Это так. Но не только из академического любопытства.

Он нажал клавишу на терминале, и на экране сменилось изображение. Трёхмерная модель вируса исчезла, уступив место сложной схеме — генетические маркеры, цепочки ДНК, какие-то пометки, смысла которых Аврора пока не понимала. Но она узнала одно: в углу схемы значился её сту-

денческий идентификационный номер. А841-Н.

— Я ищу не просто талантливых студентов. Я ищу носителя. Партнёра. Человека, чей генетический профиль совместим с моим настолько, чтобы... создать следующую ступень. — Его голос стал тише, но жёстче. — Вы ведь уже поняли? Вирус сделал меня идеальным организмом. Но он же лишил меня возможности передать эти гены естественным путём. Для продолжения рода — для создания истинного наследника — мне нужна идеальная кандидатка. С правильной генетикой. С правильным интеллектом. С готовностью принять будущее.

Он наклонился вперёд, упираясь ладонями в стол по обе стороны от неё, и теперь его лицо было в нескольких дюймах от её лица.

— Вы прошли все тесты, Аврора. Все до единого. Сами того не зная. И я предлагаю вам выбор. Простой, как всё гениальное: остаться здесь, в лаборатории, и стать частью эволюции — добровольно. Или покинуть этот кабинет прямо сейчас. И забыть обо всём, что видели. Но тогда вы навсегда останетесь по ту сторону двери, которую я перед вами открыл.

Аврора смотрела на экран, на собственный идентификационный номер, на генетические маркеры, значения которых она не понимала до конца, но о которых догадывалась. Её искали. Её выбрали. Не случайно, не по ошибке — методично, расчётливо, как выбирают племенную кобылу или

лабораторную мышь с нужным фенотипом. Она стояла, прижатая к краю стола, чувствуя исходящий от него жар. В голове звенело.

«Идеальная кандидатка». «Создать наследника». «Стать частью эволюции».

Эти слова бились о стенки черепа, как испуганные птицы. Она ожидала чего угодно. Что он будет угрожать ей. Что он предложит работу на «Эгиду». Что он сотрёт ей память каким-нибудь экспериментальным препаратом. Но это... Где-то в глубине души она должна была испытывать ужас. Отвращение. Гнев. И всё это там было — она чувствовала эти эмоции, но они казались далёкими, приглушёнными, как звук телевизора в соседней комнате. А на первом плане, заслоняя всё остальное, пульсировала мысль: «Он сказал правду. Он действительно показал мне дверь. И теперь я стою на пороге».

— Вы... вы хотите, чтобы я... — слова застряли в горле. Она зажмурилась, пытаясь собрать рассыпающиеся мысли. — Вы говорите о ребёнке. О живом ребёнке, заражённом вирусом. И вы хотите, чтобы я стала... инкубатором. Матерью вашего эксперимента. И при этом вы предлагаете мне «выбор»?

Она открыла глаза и посмотрела на него — прямо в чёрные стёкла очков. Страх никуда не делся, он всё ещё был там, под рёбрами, холодный и липкий. Но теперь к нему примешивалось что-то ещё. Ярость. Любопытство. И — она едва

могла в это поверить — странное, болезненное возбуждение от того, что она стоит на пороге чего-то невообразимого.

— Вы сказали «добровольно». То есть, теоретически, у меня есть шанс отказаться и уйти. Но что тогда? Вы просто отпустите меня? Человека, который знает о ваших планах, о вирусе и о том, кто вы... на самом деле? «Идеальная кандидатка» с «идеальной генетикой» ... Что-то мне подсказывает, что найти подходящий вам профиль не так-то просто. Я изучала тему, поверхностно — но я знаю шансы того, что «гипотетический ретровирус» встроится в ДНК без апоптоза ничтожно малы. Прошу прощения, профессор, но я вынуждена подозревать вас в откровенной лжи насчет того, что у меня действительно есть выбор.

Фаулер выпрямился. Его лицо оставалось бесстрастным, но в голосе, когда он заговорил, прозвучали новые нотки — не раздражение, нет, скорее... уважение. Она снова ответила не так, как он ожидал. А он, похоже, не привык, чтобы его ожидания не оправдывались.

— Вы правы, — произнёс он, и эти два слова повисли в воздухе, как приговор. — Искать замену вам — долго. Слишком долго. Ваш профиль действительно редок. Потребовалось два года, чтобы найти одну подходящую кандидатку. Вас.

Он отступил на шаг — давая ей пространство, но не свободу. Аврора заметила, что он встал ровно на линии, ведущей к двери. Перекрывая выход. Случайно? О, нет. Такие,

как он, ничего не делают случайно.

— Вы умны, Аврора. Умнее, чем я предполагал. Вы мгновенно просчитали, что я блефую насчёт свободы выбора. — Он скрестил руки на груди.

— Что ж. Давайте говорить откровенно. Как взрослые люди. Без игр. Без лжи. Вы правы: уйти и забыть я вам не позволю. Вы знаете слишком много. Ваши подруги, — он кивнул в сторону двери, — тоже под подозрением, хотя они ещё не понимают, во что ввязались. Вы все — проблема, которую мне придётся решать. И решение зависит от вас.

Он подошёл к терминалу и вывел на экран новую информацию. На этот раз это были не схемы и не маркеры — это был список. Список из четырёх имён: Кира Танг, Аделина Вэйн, Серена Монтерри, Ева Краусберг. Напротив каждого имени горел статус: «Под наблюдением». Ниже — строчка: «Протокол устранения: ожидает активации».

У Авроры перехватило дыхание.

— Четыре жизни, — произнёс Фаулер, и теперь его голос звучал почти устало, будто он объяснял простую истину нерадивому студенту. — Четыре жизни в обмен на ваше согласие. Согласитесь — и они продолжают учиться, смеяться, играть в свои видеоигры и монтировать свои репортажи. Никто из них никогда не узнает, что произошло в этой лаборатории. Они уедут из MIT через пару лет с дипломами и светлым будущим. Откажетесь — и я активирую протокол. Все четверо исчезнут. Несчастный случай. Пропаж в лесу.

Отчисление по состоянию здоровья — вариантов масса. И это случится до конца недели.

Он повернулся к ней, и даже сквозь очки Аврора ощутила всю тяжесть его взгляда.

— Вот ваш настоящий выбор, Аврора. Не «стать частью эволюции или уйти». А «спасти подруг или похоронить их». То, что вы станете матерью моего наследника, я уже решил за вас. Единственное, что зависит от вас — будут ли ваши подруги жить.

Аврора смотрела на экран. Четыре имени. Четыре жизни. Кира, которая сегодня утром поила её кофе и говорила: «Мы тебя одну не отпустим». Аделина, которая вчера смеялась и называла её «главной пострадавшей». Серена с её серебряным свистком и тихой, но несгибаемой храбростью. Ева с её мрачными шутками про смерть, которая на самом деле любила жизнь сильнее, чем кто-либо из них.

Четыре жизни. И её собственная — уже списанная, уже принадлежащая ему, что бы она ни решила. Он даже не скрывал этого. «То, что вы станете матерью моего наследника, я уже решил за вас». Не вопрос. Не предложение. Констатация факта.

Она почувствовала, как к горлу подступает тошнота. Не от страха — от бессильной ярости. От осознания того, насколько тщательно он всё продумал. Он не просто загнал её в угол — он выстроил этот угол вокруг неё, кирпичик за кирпичиком, с того самого дня, как она впервые переступила порог

его аудитории.

— Вы чудовище, — произнесла она тихо. Голос дрожал, но не срывался. — Вы знаете это? Вы настоящее чудовище. Не из-за вируса. Не из-за глаз. А потому, что вы используете людей. Их жизни. Их дружбу. Их любовь. Вы превращаете всё это в инструменты. В рычаги давления. И вы даже не видите в этом ничего плохого.

Фаулер выслушал её с абсолютно невозмутимым выражением лица.

— Я вижу в этом необходимость, — ответил он спокойно. — Эволюция никогда не была моральной категорией, мисс Хиггс. Природа не спрашивает у газели, согласна ли она быть съеденной львом. Она просто действует. Я — действую. И в отличие от природы, я даю вам шанс сохранить жизни тех, кто вам дорог. Это больше, чем кто-либо предлагал мне.

Он шагнул к двери и нажал кнопку интеркома на стене.

— Я даю вам время до завтрашнего утра, чтобы принять окончательное решение. Сейчас вы вернётесь в аудиторию и скажете своим подругам, что всё в порядке. Что я просто обсудил с вами эссе. Ничего подозрительного. Ничего тревожного. Вы улыбнётесь им, и вы будете улыбаться до тех пор, пока не останетесь одна. А затем — вы подумаете. Очень хорошо подумаете.

Он открыл дверь лаборатории. Из аудитории донёсся приглушённый гул студенческих голосов. Кира, Аделина, Серена и Ева всё ещё ждали её. Живые. Пока живые.

— И ещё одно, — добавил Фаулер, задержавшись в проёме. — Если вы решите рассказать им правду... если вы решите бежать... если вы попытаетесь обратиться к властям... — Он не закончил фразу. В этом не было необходимости. Экран с четырьмя именами всё ещё светился позади Авроры, и слова «Протокол устранения: ожидает активации» горели на нём, как приговор.

— До завтра, мисс Хиггс. Жду ваше решение в моём кабинете в девять утра. Не опаздывайте.

Он посторонился, пропуская её к выходу. Жест был почти галантным — если забыть, что он только что методично и хладнокровно разрушил её жизнь.

Аврора вышла из лаборатории на ватных ногах. Дверь закрылась за ней с тихим щелчком — тем же самым, каким закрылась полчаса назад. Полчаса. Всего полчаса прошло с того момента, как она вошла в эту дверь обычной студенткой, которую ждали подруги. А вышла... она сама пока не понимала, кем она вышла. Пешкой. Трофеем. Инкубатором.

В аудитории всё ещё кипела работа — студенты склонились над своими заданиями, обсуждали что-то вполголоса, чертили схемы. Обычная учебная рутина. Аврора окинула взглядом это мирное зрелище, чувствуя себя так, будто смотрит на другую планету. На ту планету, где она жила ещё сегодня утром.

С последнего ряда на неё смотрели четыре пары встревоженных глаз. Кира подалась вперёд, явно готовая вскочить

и броситься к ней. Аделина забыла про свою камеру. Серена прижимала ладонь ко рту. Даже Ева отложила книгу и теперь хмурилась с выражением, которое Аврора никогда у неё раньше не видела — беспокойством.

Аврора заставила себя улыбнуться. Это было самое трудное, что она делала в своей жизни — труднее, чем эссе, труднее, чем признаться Фаулеру в том, что она его раскусила. Она растянула губы в улыбке и слегка пожала плечами, посылая подругам молчаливый сигнал: «Всё в порядке. Просто обсуждали эссе».

Кира не поверила. Аврора видела это по её глазам — специалист по профайлингу мгновенно считал фальшь в её мимике. Но Кира была умна. Кира понимала, что если Аврора лжёт здесь и сейчас, значит, у неё есть на это причина. И Кира не стала подавать виду.

Остальные, кажется, выдохнули. Аделина вернулась к камере, Серена опустила руку, Ева снова уткнулась в книгу — но уголком глаза продолжала следить за Авророй.

Фаулер вышел из лаборатории следом, и аудитория мгновенно притихла.

— Время вышло, — объявил он, возвращаясь к своему обычному профессорскому тону. — Сдайте ваши отчёты на кафедру до конца дня. Занятие окончено. — Он бросил короткий взгляд в сторону Авроры, едва заметный кивок.

«До завтра, мисс Хиггс. Девять утра» — и покинул аудиторию тем же плавным, хищным шагом, каким вошёл.

Студенты засобирались, зашумели, загремели стульями. Аврора стояла у своего стола, собирая вещи механическими движениями. Папки с эссе у неё больше не было — она осталась там, в лаборатории. У него. Двадцать страниц. «По-хвально», — сказал он. А потом отнял у неё всё.

Кира оказалась рядом первой. Она ничего не спрашивала. Просто встала плечом к плечу и молча помогла застегнуть рюкзак. Аделина, Серена и Ева подошли через секунду, окружая её живым кольцом.

— Идём, — тихо сказала Кира. — Поговорим снаружи.

Они вышли из корпуса Джеффсона молча. Сентябрьский ветер, влажный и порывистый, ударил в лицо, но Аврора почти не почувствовала его. Она шла, глядя прямо перед собой, механически переставляя ноги, и единственное, что удерживало её в реальности — это тепло руки Киры, которая крепко держала её за локоть.

Девушки свернули с главной аллеи на узкую дорожку, ведущую к заброшенной беседке в глубине кампуса. Старое место, увитое диким виноградом, куда редко заглядывали посторонние. Их тайное место. Здесь они в прошлом семестре отмечали день рождения Серены, здесь Аделина снимала свой первый репортаж для кампусного канала, здесь Ева однажды призналась, что боится не смерти, а того, что проживёт жизнь впустую. Хорошие воспоминания, которые теперь казались Авроре кадрами из чужой жизни.

Кира остановилась и развернулась к Авроре. Её синие гла-

за смотрели прямо, без обиняков.

— Говори, — сказала она тоном, не терпящим возражений. — Он угрожал тебе. Я видела твоё лицо, когда ты вышла.

Аделина, обычно шумная и саркастичная, сейчас молча стояла, прижимая к груди выключенную камеру. Серена нервно теребила свой свисток. Ева прислонилась к деревянному столбу беседки, скрестив руки, и ждала.

Аврора обвела их взглядом — четырёх человек, ради которых она только что согласилась отдать свою жизнь. Или не согласилась? У неё была ночь, чтобы решить. Всего одна ночь.

Она открыла рот, чтобы солгать. Чтобы сказать: «Всё в порядке, он просто был не в духе». Чтобы защитить их — как она обещала себе там, в лаборатории. Но слова не шли. Горло перехватило, и вместо лжи из груди вырвался какой-то странный, сдавленный звук — не то смех, не то всхлип.

— Он знает, — выдохнула она. — Он всё знает. Он знает, почему вы пришли. Он знает, что мы нашли. Он... — она запнулась и закрыла лицо руками. — Господи, девочки, он поставил вас на счётчик. Всех четверых. Если я не соглашусь на его условия, вас убьют к концу недели.

Повисла тишина — густая, звенящая, какая бывает только перед грозой. Первой её нарушила Ева.

— Ну, — произнесла она своим обычным монотонным голосом, — я всегда знала, что умру молодой. Но чтобы из-за

профессора-психа с манией величия — такого я не ожидала. Плюс один в копилку абсурдных смертей.

— Ева, заткнись, — резко оборвала её Кира, но без злости. Она взяла Аврору за плечи и заставила поднять голову. — Какие условия? Что он потребовал? Аврора, посмотри на меня. Что он хочет?

Аврора опустила руки. Лицо её было бледным, но глаза оставались сухими. Она ещё не плакала — возможно, слёзы придут позже, когда шок отступит. А сейчас в ней говорил чистый адреналин.

— Он хочет меня, — сказала она ровно. — Не в каком-то... извращённом смысле. Или, может, и в нём тоже. Ему нужна женщина с определённым генетическим профилем, способная выносить ребёнка, заражённого его вирусом. Наследника. Он искал такую два года. И нашёл. Меня.

Аделина тихо ахнула и прижала ладонь ко рту. Серена побледнела так, что её веснушки стали почти чёрными на белой коже. Кира замерла, переваривая услышанное. Ева моргнула — единственный признак того, что она вообще удивлена.

— Он сказал, что я могу отказаться, — продолжала Аврора, и горькая усмешка исказила её губы. — Великодушно предоставил выбор. Если я соглашаюсь — вы живёте. Если отказываюсь — протокол устранения. Четыре несчастных случая. Четыре исчезновения. Четыре смерти. Я не знаю, блефует ли он. Но после того, что я видела... после его глаз...

я не думаю, что он блефует.

— Его глаза? — переспросила Аделина дрожащим голосом.

— Красные. С вертикальными зрачками. Как у ящерицы. Он снял очки. Показал мне. — Аврора обхватила себя руками, словно пытаясь согреться. — Он мутант. Результат эксперимента с каким-то вирусом. Выживший из Пирроу. И он... он не человек. Не в том смысле, в каком мы. Он сильнее, быстрее. И он верит, что вирус — это не проклятие, а дар. Следующая ступень эволюции. И я должна стать... матерью этой следующей ступени.

Кира медленно выдохнула. Её лицо, обычно живое и выразительное, превратилось в маску холодного профессионализма — так она выглядела на экзаменах по профайлингу, когда анализировала особо сложные кейсы.

— Два года поисков, — произнесла она задумчиво. — Редкий генетический профиль. Совместимость. Значит, если ты откажешься, найти замену будет непросто. Это даёт нам время.

— Нам? — Аврора подняла на неё глаза. — Кира, ты что...

— Я сказала «нам», — отрезала Кира. — Ты думаешь, мы позволим тебе жертвовать собой в одиночку? Если он думает, что мы просто четыре студентки, которых можно запугать и списать в расход, — она хищно улыбнулась, — то он сильно ошибается. Мы — студентки MIT. А это значит, что мы чертовски умные, чертовски упрямые и у нас есть доступ

к ресурсам, о которых он не подозревает.

Аделина вскинула голову. В её голубых глазах, ещё мину-
ту назад полных ужаса, теперь загорался знакомый опасный
огонёк.

— Кира права. Этот ублюдок только что объявил войну не
той компании. — Она достала камеру и проверила заряд ба-
тареи. — У меня есть кое-какие связи среди старшекурсни-
ков с факультета журналистики. И доступ к архивам кампус-
ной сети, который я не совсем законно получила в прошлом
семестре. Если он оставил хоть какой-то цифровой след —
я его найду.

— У меня есть доступ к базе данных биологических об-
разцов в лабораторном корпусе, — тихо добавила Серена.
Её голос дрожал, но она упрямо продолжала: — Я работаю
там лаборанткой по вторникам и четвергам. Мы можем... мы
можем попытаться понять, что именно он сделал с вирусом.
Если он оставлял образцы. Если есть какие-то записи.

— А я могу попробовать взломать его личный терминал,
— подала голос Ева. Все повернулись к ней. Она пожала
плечами. — Что? Я специализируюсь на кибербезопасности.
Вообще-то это моя будущая профессия. И да, это незаконно.
Но, как я уже говорила, мы все, возможно, умрём молодыми,
так что какая разница?

Аврора переводила взгляд с одной подруги на другую.
Ком в горле, который душил её последние полчаса, начал по-
немногу рассасываться, уступая место чему-то другому. Че-

му-то, похожему на надежду — робкую, хрупкую, но всё же надежду.

— Девочки... — начала она, но Кира перебила её:

— Никаких «девочки». Мы — команда. Мы справимся. Но сначала, — она обвела всех строгим взглядом, — нам нужен план. И нам нужно убедиться, что он не прослушивает нас прямо сейчас.

— Не прослушивает, — уверенно сказала Ева. — Я проверяла нашу комнату и гостиную на наличие жучков ещё в начале семестра. Паранойя — полезная привычка. А здесь, — она обвела рукой беседку, — здесь даже Wi-Fi не ловит. Мы в безопасности.

— Тогда слушайте, — Кира присела на скамейку и жестом пригласила остальных последовать её примеру. — У нас есть одна ночь и одно утро до девяти часов. За это время мы должны: первое — собрать как можно больше информации о Фаулере и его прошлом. Второе — найти доказательства его связи с «Эгидой» и с событиями в Пирроу. Третье — выяснить, есть ли у нас рычаги давления на него. Потому что шантажировать студентов он умеет, а вот как он отреагирует, если мы пригрозим сдать его корпорации? Он ведь говорил, что работает «втайне от них», верно?

Аврора медленно кивнула.

— Да. Он сказал, что ставит эксперименты над собственным вирусом втайне от «Эгиды». Что его планы — это его личная инициатива.

— Значит, ему есть что скрывать не только от нас, но и от его собственных хозяев, — подытожила Кира. — Это слабое место. И мы в него ударим.

Какое-то время они провели в напряженной тишине, в которой, однако, проблескивало что-то похожее на надежду. Затем Аврора нервно всплеснула руками и со свистом выдохнула сквозь сжатые зубы.

— Это все... безумие. Вы понимаете, что он просто убьет вас? Что бы мы не делали, как бы не копали — это закончится тем, что он просто убьет вас. Он — мутант, сверхчеловек. Он может убрать вас в одиночку, без протоколов и отчетов. А меня он запрет в подземной лаборатории. И все будет бессмысленно. Вы это понимаете? У нас нет времени. Если только... Если только я не соглашусь. Ради вашей безопасности. То, что он планирует делать со мной... — Аврора истерично вздрогнула, — ...займет время. Тесты. Исследование. Попытки... Может, тогда нам удастся разработать хоть какой-то план.

Кира резко встала со скамейки. Её глаза метали молнии.

— Нет, — отрезала она. — Даже не думай. Мы не для того сюда пришли, чтобы ты жертвовала собой, пока мы сидим сложа руки и надеемся на чудо. Ты слышишь меня? — Она схватила Аврору за плечи и встряхнула. — Ты. Не. Пойдёшь. К нему. Одна.

— Кира права, — Аделина шагнула вперёд, сжимая камеру. — Я понимаю твой порыв, правда. Ты хочешь нас защи-

тить. Но если ты согласишься сейчас, на его условиях — ты исчезнешь. Просто пропадёшь. И никто, слышишь, никто не узнает, что с тобой стало. А мы... мы будем жить с этим всю оставшуюся жизнь. Зная, что ты пошла на это из-за нас. Это не жизнь, Аврора. Это приговор.

Серена подошла ближе и взяла Аврору за руку. Её ладонь была тёплой и слегка дрожала, но голос звучал на удивление твёрдо, хотя в карих глазах блестели слезы:

— Мы можем сделать вид, что ты согласна. Купить время — как ты и сказала. Только не ценой твоей... не ценой этого. Мы скажем ему, что ты согласна сотрудничать, но выдвинем встречные условия. Что ты остаёшься жить в общежитии. Что продолжаешь ходить на занятия. Что мы все будем знать, где ты и с кем. Если ты пропадёшь — мы поднимем шум. Такой шум, что даже «Эгида» не сможет его замять.

— И пока ты будешь тянуть время наверху, — подхватила Ева, — мы будем копать внизу. В прямом и переносном смысле. Я уже прикинула, как получить доступ к серверам корпуса Джеффсона. Если он хранит там данные о своих экспериментах — я их найду. И когда у нас будет достаточно компромата, мы сможем диктовать свои условия. Не он — мы.

Аделина вдруг хлопнула в ладоши, заставив всех вздрогнуть.

— Девочки! — Её глаза горели тем самым огнём, который обычно появлялся у неё перед выходом в эфир с сенсацион-

ным материалом. — А что, если мы не просто соберём компромат? Что, если мы обнародуем его? Взломаем кампусную сеть и запустим прямую трансляцию на все экраны университета? Представляете заголовки? «Профессор MIT — мутант и агент «Эгиды»? Ему придётся бежать, а не угрожать нам!

— Это слишком рискованно, — покачала головой Кира. — Если мы сделаем это до того, как обеспечим безопасность Авроры, он может... отреагировать непредсказуемо. Нет. Сначала — компромат и гарантии. Потом — всё остальное.

Аврора слушала их, и что-то в груди медленно оттаивало. Они не просто поддерживали её на словах. Они строили план. Настоящий план — дерзкий, опасный и совершенно безумный. Но это был их план. И он был лучше, чем молчаливая капитуляция.

— Ладно, — выдохнула она наконец. — Ладно. Мы попробуем. Но у нас есть всего одна ночь. И завтра в девять утра я должна прийти к нему с каким-то ответом. Если я не приду — он активирует протокол. Если я приду и скажу «нет» — он активирует протокол. Если я попытаюсь сбежать — он активирует протокол. Единственный вариант — прийти и сказать «да». Или... — она запнулась, осенённая внезапной мыслью, — или прийти и сказать «да, но».

Кира склонила голову набок.

— «Да, но»? — переспросила она. — Поясни.

— Я могу согласиться сотрудничать, — медленно проговорила Аврора, выстраивая мысль прямо на ходу, — но на моих условиях. Он учёный. Он понимает язык логики. Если я скажу ему: «Профессор Фаулер, я согласна участвовать в вашем проекте, но как учёный, а не как лабораторная мышь», — он выслушает. Ему нужны мои гены, но ещё больше ему нужно, чтобы я была... функциональна. Чтобы эксперимент удался. А для этого мне нужно сохранять психическую стабильность, физическое здоровье и доступ к нормальной жизни. Если он запретит меня в подземной лаборатории, я начну чахнуть. Стресс повлияет на гормональный фон. А это, — она криво усмехнулась, — плохо скажется на репродуктивной функции.

Ева присвистнула.

— Хиггс, ты сейчас серьёзно предлагаешь торговаться с мутантом-психопатом о условиях своего заточения?

— Именно, — кивнула Аврора. — Потому что он не просто психопат. Он перфекционист. Если он два года искал «идеальную кандидатку», он не станет рисковать результатом из-за дурацкой спешки. А значит — я могу выторговать время. Время, которое нужно вам.

Кира задумчиво постучала пальцами по подбородку.

— Логично, — признала она. — Более того, если ты будешь вести переговоры, а не просто сдаваться, это собьёт его с толку. Он привык, что все перед ним дрожат. А тут студентка, которая выдвигает встречные условия. Это... необычно.

Его это заинтригует.

— Значит, таков наш план на завтра, — подытожила Аделина. — Аврора идёт к нему и играет роль «согласной, но с условиями». Выторговывает себе свободу передвижения, право жить в общежитии и всё такое. А мы тем временем начинаем копать. Серена — биологические образцы и лабораторные записи. Ева — взлом серверов. Я — архивы и поиск информации о его прошлом. Кира...

— А я займусь профайлингом, — кивнула Кира. — Составлю подробный психологический портрет этого урода. Пойму, на какие кнопки давить, если дойдёт до конфронтации. И ещё — я свяжусь с одним человеком. Моим преподавателем по криминалистике. Он раньше работал в ФБР, и он терпеть не может «Эгиду». Возможно, он сможет нам помочь, если ситуация выйдет из-под контроля.

Серена тихо кашлянула.

— Девочки... а вы понимаете, что мы сейчас планируем операцию против человека, который буквально может голыми руками проломить стену? Я не говорю, что мы не должны этого делать. Я просто хочу убедиться, что все осознают, с кем мы имеем дело.

— Осознаём, — серьёзно ответила Кира. — Но у нас нет выбора. Это либо мы его остановим, либо он уничтожит Аврору. А потом, возможно, и не только её. Вы слышали его философию про эволюцию. Он не остановится на одном ребёнке. Он хочет изменить всё человечество.

— Тогда не будем терять времени, — Ева поднялась со скамейки и поправила лямку рюкзака. — Возвращаемся в общежитие, берём ноутбуки, и начинаем работать. Ночь будет долгой. Кофе у нас достаточно?

— Кофе — это по моей части, — подала голос Серена, вставая со скамейки и отряхивая юбку от налипших листьев. — Я купила на прошлой неделе отличный колумбийский. Плюс у меня есть плитка тёмного шоколада и печенье. Для мозговой активности — самое то.

— А я достану свои записи по криптографии, — добавила Ева. — Если серверы корпуса Джеффсона защищены так же, как остальная сеть кампуса, мне понадобится часа три, не больше. Если сложнее — до утра. Но я справлюсь.

— Тогда выдвигаемся. — Кира по привычке обвела взглядом всю команду, как делала перед каждым важным решением. — И помните: мы не знаем, насколько далеко простираются его связи. Поэтому — никаких разговоров по телефону. Никаких сообщений в мессенджерах. Всё обсуждаем только лично. И держимся вместе.

Девушки одна за другой кивнули. План, который они набросали в этой старой беседке, был отчаянным и рискованным. Но это было лучше, чем сидеть сложа руки и ждать, пока Фаулер методично разрушит их жизни поодиночке.

Путь обратно к общежитию занял всего десять минут. Кампус уже опустел — большинство студентов разошлись по корпусам, кто-то сидел в библиотеке, кто-то готовился к

завтрашним семинарам. Осеннее небо наливалось свинцовой тяжестью, обещая дождь. Ветер трепал длинные волосы Авроры, и она машинально заправила прядь за ухо, глядя на освещённые окна их маленького двухэтажного дома.

Их дома. Их крепости.

Внутри было тепло и пахло вчерашней пиццей. Аделина сразу направилась к своему ноутбуку, на ходу развязывая шнурки кроссовок. Серена скрылась на кухне, и вскоре оттуда донёсся уютный шум кофемашины. Ева поднялась в свою комнату за оборудованием — у неё был отдельный защищённый ноутбук для «особых проектов», о существовании которого знали только свои. Кира остановилась у окна гостиной, глядя на тёмный силуэт корпуса Спенсера, возвышавшийся на холме.

— Знаешь, — тихо сказала она Авроре, которая стояла рядом, — когда я поступала на криминалистику, я думала, что самые опасные преступники, с которыми я столкнусь — это наркоторговцы и серийные взломщики. А тут... генетически модифицированный суперсолдат из секретной корпорации, который хочет завести ребёнка от моей подруги.

— Прости, что втянула вас в это, — так же тихо ответила Аврора. — Если бы я не полезла в те списки...

— Если бы ты не полезла в те списки, — перебила её Кира, — мы бы ничего не узнали, пока не стало бы слишком поздно. Ты не втянула нас. Ты дала нам шанс бороться. — Она повернулась и посмотрела Авроре прямо в глаза. — И

мы будем бороться. Все вместе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.